

Научная статья

УДК 343.126.7

doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).1.035-045

ДОМАШНИЙ АРЕСТ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Виталий Владимирович Геранин¹, Светлана Николаевна Мальцева²

^{1,2} Рязанский филиал Московского университета имени С. Ю. Витте, г. Рязань, Россия

¹ gvvrzn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0251-2002>

² kafedraupd2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9252-284X>

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования одной из мер пресечения, избираемых только на основании судебного решения, – домашнему аресту. Авторы статьи, выделив достоинства и недостатки домашнего ареста, пришли к выводу о том, что его правовое регулирование в целом и предусмотренная частью 1 статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дефиниция в частности нуждаются в изменениях. Использование в определении данной меры пресечения категории «изоляция от общества» не только не соответствует правовой природе домашнего ареста, но и осложняет его позиционирование в качестве альтернативы заключению под стражу, каковую она представляла собой на момент принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Проведенный в статье анализ понятия «изоляция от общества» показал, что именно его включение в дефиницию домашнего ареста изменило правовую природу последнего и привело к установлению правоограничений, отсутствующих даже у самых жестких видов уголовного наказания или мер пресечения (недоступность у подозреваемых или обвиняемых прогулок). Приведенная в статье статистика свидетельствует о постепенной утрате домашним арестом самостоятельного значения и как итог – снижение доли его применения. Предлагается исключить слова «в изоляции от общества» из части 1 статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что впоследствии приведет к необходимости пересмотра правоограничений, обусловленных данной мерой пресечения, усилению самостоятельности и увеличению доли применения домашнего ареста в арсенале средств, имеющихся у правоприменителей и суда.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, заключение под стражу, ограничение свободы, изоляция от общества, запрет, ограничение

Для цитирования

Геранин В. В., Мальцева С. Н. Домашний арест: проблемы правового регулирования // Человек: преступление и наказание. 2024. Т. 32(1–4), № 1. С. 35–45. DOI: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).1.035-045.

Original article

HOUSE ARREST: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Vitalij Vladimirovich Geranin¹, Svetlana Nikolaevna Mal'ceva²

^{1,2} Ryazan Branch of S. Y. Witte Moscow University, Ryazan, Russia

¹ gvvrzn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0251-2002>

² kafedraupd2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9252-284X>

Abstract. The article is devoted to topical issues of legal regulation of one of the preventive measures chosen only on the basis of a court decision – house arrest. The authors of the article, highlighting the advantages and disadvantages of house arrest, came to the conclusion that its legal regulation in general and the definition provided for in Part 1 of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in particular need to be changed. The use of the category “isolation from society” in determining this preventive measure not only does not correspond to the legal nature of house arrest, but also complicates its positioning as an alternative to detention, which it represented at the time of adoption of the CPC of the Russian Federation. The analysis of the concept of “isolation from society” conducted in the article showed that it was its inclusion in the definition of house arrest that changed the legal nature of the latter and led to the establishment of legal restrictions that are absent even in the most severe types of criminal punishment or preventive measures (inaccessibility of suspects or accused walks). The statistics presented in the article indicate the gradual loss of independent significance of house arrest and, as a result, a decrease in the proportion of its use. The authors propose to exclude the words “in isolation from society” from Part 1 of art. 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which will subsequently lead to the need to review the legal restrictions imposed by this preventive measure, strengthen independence and increase the proportion of the use of house arrest in the arsenal of means available to law enforcement officers and the court.

Keywords: preventive measure, house arrest, detention, restriction of freedom, isolation from society, prohibition, restriction

For citation

Geranin, V. V. & Mal'ceva, S. N. 2024, ‘House arrest: problems of legal regulation’, *Man: crime and punishment*, vol. 32(1–4), iss. 1, pp. 35–45, doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4). 1.035-045.

Домашний арест относится к тем мерам пресечения, которые появились в отечественном законодательстве уже в XVII в. Однако в то время он существовал еще в зачаточном виде и представлял собой осуществляемый приставом надзор за преступником из числа высших сословий. Применение домашнего ареста в качестве меры пресечения было обусловлено классовой принадлежностью лица: чем выше сословие обвиняемого, тем большей была вероятность избрания данной меры пресечения. В случае расследований в отношении представителей крестьянства вероятность избрания данной меры пресечения стремилась

к нулю. Одним из наиболее известных лиц, подвергнутых домашнему аресту в России, был граф Бестужев-Рюмин [1, с. 39].

Отметим, что сословный характер домашнего ареста имел объективные причины. Его широкомасштабное применение (ко всем сословиям) было нереализуемо в связи с потребовавшимся бы в противном случае огромным числом полицейских. Все дело в том, что данная мера пресечения осуществлялась, главным образом, посредством выставления круглосуточного поста стражи.

В советский период (до 1960 г.) домашний арест предусматривался уголовно-процессуальным законодательством и мог применяться «с назначением стражи или без таковой» (ст. 160 УПК РСФСР 1922 г.). Однако уже УПК РСФСР 1960 г. исключил домашний арест из доступного правоприменителям перечня мер пресекательного характера. Основная причина оставалась прежней – с одной стороны, невозможность обеспечения эффективного контроля при массовом применении, с другой – вынужденная элитарность в случаях его назначения отдельным лицам, что в условиях социалистического общества было недопустимо.

В новых социально-экономических и политических условиях, с которыми столкнулась Россия как правопреемница распавшегося в конце 1991 г. Советского Союза, все сферы деятельности государства, включая правовую, нуждались в реформировании, в особенности после принятия в 1993 г. Конституции РФ.

Применявшееся в этот период законодательство, несмотря на вносившиеся в него многочисленные изменения и дополнения, уже не соответствовало тем политическим, экономическим и социальным преобразованиям, которые начали проводиться в стране в соответствии с новой Конституцией. Обновление законодательства, как и перестройка экономики, стало наиболее характерным и важным свидетельством грандиозных перемен, происходивших в стране.

В 2001 г. был принят УПК РФ – последний из новых кодексов, составляющих криминальную сферу законодательства. Он концептуально отличался от предшествующего ему УПК РСФСР 1960 г. Одной из его новаций стало восстановление домашнего ареста в институте мер процессуального принуждения. Согласно замыслу разработчиков домашний арест предполагался как равноценный конкурент заключению под стражу, который достигал бы тех же целей, но менее жесткими средствами. В целом это соответствовало процессу гуманизации уголовно-процессуального законодательства, непосредственно выраженного в нормах нового УПК РФ.

Возврату домашнего ареста в перечень мер процессуального принуждения способствовало его активное применение во многих зарубежных странах, а также новые возможности контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, открывшимися после широкого проникновения электроники практически во все сферы жизни общества, например, определение места дислокации поднадзорного с помощью использования электронных средств слежения.

Однако начало применения данной меры пресечения не было для нее удачным. В течение, как минимум, десяти лет доля домашнего ареста составляла не более 0,5–1 % от заключения под стражу¹, в связи с чем не рассматривалась и не могла рассматриваться как его противовес, в качестве которого замышлялась. Основной причиной тому был

¹ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010, 2011 годы. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=951> (дата обращения: 20.11.2023).

диссонанс между стремлением идти в ногу со временем и реальными возможностями уголовно-исполнительной системы, обеспечивающей контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, к которым был применен домашний арест. Все дело в том, что главное преимущество домашнего ареста по сравнению с заключением под стражу – значительная экономия расходуемых средств на его реализацию – проявляется лишь в случае использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля. Собственно, он и был включен в число превентивных мер в расчете на применение электронных средств слежения. Высокотехнологичный инструментарий позволяет организовать эффективный мониторинг и контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, находящимися под домашним арестом.

Однако уголовно-исполнительная система, орган которой и осуществляет контроль за лицами, подвергнутыми домашнему аресту (уголовно-исполнительные инспекции), не обладала на тот момент необходимым инструментарием. С 2008 г. ФСИН России начала закупать произведенные за рубежом электронные браслеты для отслеживания перемещения их носителей. Затем ФСИН России, не удовлетворенная их низкой морозоустойчивостью и отсутствием антивандального исполнения, приняла решение производить их самостоятельно, чем и воспользовался экс-директор службы. Как в дальнейшем установило следствие, руководители ФСИН России учредили ФГУП «ЦИТОС», с которым были заключены контракты на производство электронных браслетов. Но мало того, что эти браслеты были изначально непригодны к использованию, они еще и поставлялись по значительно завышенным ценам (при стоимости в 19 тыс. руб. приобретались по 108 и 128 тыс.) [2]. И хотя виновные в мошенничестве были осуждены, что не может не вызывать удовлетворения, их преступные действия существенно замедлили применение домашнего ареста.

Кроме того, имело место очевидное несовершенство ряда норм УПК РФ в первые годы после введения его в действие. В частности, ст. 107 УПК РФ, регулирующая применение домашнего ареста, в первоначальной редакции (до внесения в нее изменений Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) представляла собой скорее концептуальную модель, чем действующую правовую норму, которая позволяла бы реально применять новую меру пресечения. По существу, новая редакция оставила от предыдущей неизменным только название. Важно то, что ч. 14 ст. 107 УПК РФ законодательно закрепила возможность применения для контроля за подозреваемыми и обвиняемыми технических средств контроля. Свою позитивную роль в расширении практики применения домашнего ареста сыграло и постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134¹.

По прошествии более чем 20 лет применения домашний арест стал одной из обычных (привычных) мер, применяемых в уголовном судопроизводстве к отдельным категориям его участников. Согласно ст. 107 УПК РФ данная мера может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в соответствии с судебным решением и при наличии должных оснований. Так же, как и при избрании иных мер

¹ См.: О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : постановление Правительства Рос. Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8. Ст. 838.

пресечения, суд должен изложить мотивы принимаемого решения, то есть объяснить, почему вместо домашнего ареста нельзя назначить иную, более мягкую меру.

Домашний арест в научной литературе обобщенно приравнивается к запрету покидать жилище либо к «тюрьме на дому» [3, с. 28]. Такое сравнение не случайно, поскольку совокупность правоограничений, свойственных данной мере пресечения, невольно вынуждает сравнивать ее с заключением под стражу или даже с уголовным наказанием. Причина в том, что, по сути, домашний арест можно назвать не чем иным, как ограничением свободы. Однако не дубликатом одноименного наказания, предусмотренного УК РФ, а по его сущностным признакам, главным из которых выступает изоляция. Как справедливо подчеркивается в постановлении Конституционного Суда РФ, «лишение физической свободы *de facto* может приобретать разнообразные формы, не всегда тождественные тюремному заключению в его классическом понимании»¹. Во внимание должна приниматься степень (интенсивность) правоограничений, а не формальные признаки (например, название наказания или меры пресечения). В силу этого, как только в число правоограничений, присущих уголовному наказанию или мере процессуального принуждения, входят такие, как «принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества и семьи, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц»², можно утверждать, что, как минимум, данное конкретное лицо ограничено в свободе.

Из перечисленных ограничений правового статуса гражданина домашнему аресту свойственны лишь принудительное пребывание в ограниченном пространстве и обусловленная этим невозможность свободного передвижения за его пределами. Но и их вполне достаточно, чтобы относить данную меру пресечения к наиболее суровым из применяемых в уголовном судопроизводстве.

Свобода относится к основополагающим правам человека, и потому ее лишение (ограничение) является уже само по себе самостоятельной мерой, даже без дополнительных правоограничений. Как подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, меры пресечения, ограничивающие свободу, «применяются исключительно по судебному решению и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно»³. Отметим, что в последней редакции (от 11 июня 2020 г.) указанного постановления из раздела «Домашний арест» были изъяты все упоминания термина «ограничение» и сохранены только «запреты». С определенной задержкой во времени эти изменения последовали за новой редакцией ст. 107 УПК РФ, в которой первоначальная дефиниция домашнего ареста в виде «ограничений, связанных со свободой передвижения подозреваемого и обвиняемого» была заменена на «нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении», а из существенно расширившегося содержания статьи (вместо

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 мая 2017 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 23. Ст. 3473.

² Там же.

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2014. № 2.

трех частей стало четырнадцать) также была удалена использовавшаяся ранее категория «ограничение».

Разумеется, в первоначальной редакции ст. 107 УПК 2001 г. нуждалась в более детальном изложении, поскольку в том виде она выглядела скорее как принцип, устанавливающий смысл и значение новой меры пресечения, чем правовая норма, призванная детально регулировать все особенности ее применения. Однако новая редакция статьи не только детальнее урегулировала применение домашнего ареста, но и значительно усилила уровень связанных с ним правоограничений.

Если до внесения изменений в ст. 107 УПК РФ домашний арест был достаточно мягкой мерой пресечения и по перечню правоограничений практически не отличался от наказания в виде ограничения свободы, то новая редакция решительно развернула его в противоположном от задуманного разработчиками УПК РФ направлении. Законодатель как бы поставил своей задачей максимально приблизить его по уровню правоограничений к мере пресечения в виде заключения под стражу, чтобы слово «арест» соответствовало своему изначальному содержанию (от ср.-лат. *arrestum* – останавливать, задерживать) – принудительное задержание и помещение в тюрьму [4], но применяемое не в государственном учреждении, а в жилище подозреваемого или обвиняемого. Такой подход и обусловил изъятие из содержания статьи употреблявшийся ранее термин «ограничение».

В теории права как запреты, так и ограничения понимаются как способы правового регулирования общественных отношений, изменяющие содержание или объем действия нормы права [5, с. 99]. Несмотря на сходство, как отмечает Ф. Н. Фаткуллин, «ограничение близко к запрету, однако оно рассчитано не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограниченных рамках» [6, с. 157]. Такой подход характеризует ограничение как частичный запрет, как «исключение *определенных* (курсив наш. – В. В., С. Н.) возможностей в деятельности лиц» [7, с. 91]. В отличие от ограничений, запреты имеют императивный характер и выражают невозможность (близкую к абсолютной) выполнения субъектом правоотношения перечисленных в законе действий.

Изменение дефиниции домашнего ареста с «ограничений, связанных со свободой передвижения» на «изоляция от общества в жилом помещении» повлекло за собой замену категории «ограничение» на «запрет» подозреваемому или обвиняемому выходить за пределы жилища, за исключением экстренных случаев. Он подразумевает невозможность выхода за пределы жилища ни на работу, ни на учебу, ни в магазин за продуктами. Исключена даже прогулка, хотя данное субъективное право безусловно присутствует в правовом статусе лиц, содержащихся в следственном изоляторе или отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы. Чем обусловлен такой жесткий подход и есть ли необходимость его сохранения в дальнейшем?

Представляется, что определение домашнего ареста, данное в ч. 1 ст. 107 УПК РФ, следует изменить. Употребление законодателем словосочетания «изоляция от общества» применительно к домашнему аресту, на наш взгляд, не соответствует условиям, в которых находится подозреваемый или обвиняемый. Если обратиться к ст. 56 УК РФ, наполняющей понятие «лишение свободы» конкретным содержанием¹,

¹ См.: По делу о проверке конституционности части третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г. А. Алексеева : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 15 марта 2023 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 13. Ст. 2361.

то его главным, сущностным признаком она называет изоляцию осужденного от общества путем помещения в исправительное учреждение. Когда речь идет об уголовном наказании в виде лишения свободы (то, что в международных документах называется «imprisonment»), первое, что обращает на себя внимание, это принудительное пребывание осужденного в ограниченном пространстве: в условиях тюрьмы – в камере, в условиях исправительной колонии – в изолированном участке.

Для уяснения отличительных особенностей понятия «изоляция от общества» воспользуемся «нетипичным» для лишения свободы учреждением, именуемым колонией-поселением. В составе УИС России колонии-поселения функционируют на протяжении 60 лет, и практически все это время подавляющее большинство ученых-криминалистов утверждают, что эти учреждения относятся к исполняющим лишение свободы лишь по формальному признаку. По существу, стало уже общепризнанным, что поскольку у колоний-поселений отсутствует главный критериальный признак лишения свободы – изоляция от общества, постольку они исполняют иное наказание, которому более соответствует название «ограничение свободы». Отметим, что такого же мнения придерживается и Конституционный Суд РФ, полагающий, что наказание в колониях-поселениях исполняется без изоляции от общества, но под надзором специализированного государственного органа и может рассматриваться как отдельный вид уголовного наказания¹. Таким образом, в словосочетании «изоляция от общества» акцент делается на втором слове, а его реальное отсутствие или наличие в процессе реализации той или иной меры государственного принуждения приобретает решающее правовое значение.

Пример с колониями-поселениями мы привели с целью привлечь внимание к понятию «изоляция», независимо от того, применяется в данном случае уголовное наказание или мера пресечения. Изоляция в том понимании, которое ей придает Конституционный Суд РФ, свойственна не только мере уголовно-правового воздействия, исполняемой в колониях-поселениях, но и при исполнении таких наказаний, как ограничение свободы и принудительные работы. Их объединяет то, что во всех случаях отсутствует изоляция субъекта от общества. К сожалению, в законодательстве отсутствует легальная дефиниция изоляции от общества, хотя этот термин активно используется в различных нормативных правовых актах. Не восполняется данный пробел и в решениях высших судов РФ. Не существует единства и среди ученых: их мнения расходятся от взгляда на изоляцию, как на универсальную категорию, предопределяющую любые свойства наказания в виде лишения свободы, до градации ее на уровни (квазиизоляция, предизоляция, стандартная изоляция, суперизоляция, постизоляция, полная, частичная, нетипичная, облегченная, мягкая, жесткая и т. д.) [8, с. 19–20].

Представляется, что такое разнообразие обусловлено действительно существующими различиями между категориями «изоляция» и «изоляция от общества». Обязательными признаками последней являются: отсутствие возможности произвольного общения с неопределенным кругом лиц по собственному выбору в сочетании с запретом свободного выхода за пределы ограниченного пространства. Оба признака долж-

¹ См.: По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480.

ны присутствовать одновременно. В противном случае все те или иные ограничения личной свободы индивида охватываются понятием «изоляция». Тем самым отпадает необходимость изобретать мягкую, частичную, облегченную изоляцию. Таким образом, все, что не подпадает под критерии изоляции от общества, но обладает признаками ограничения свободы, следует именовать изоляцией либо, как вариант, ограничением свободы. Недостатком второго варианта является то, что одноименное название имеет уголовное наказание.

Домашний арест является не наказанием, а мерой процессуального принуждения, следовательно, его применение регулируется не уголовным, а уголовно-процессуальным законодательством. Однако для понимания различий между терминами «изоляция» и «изоляция от общества» это значения не имеет. Следует согласиться, что при избрании домашнего ареста изоляция как таковая действительно имеет место. В соответствии с пп. 3–5 ч. 6 ст. 105 и ст. 107 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый могут ограничиваться в общении с определенными лицами, пользоваться услугами связи, включая сеть Интернет, им запрещено выходить за пределы жилого помещения, в котором они проживают. Но достаточно ли этих ограничений для того, чтобы признать их совокупность изоляцией от общества, как это указано в ч. 1 ст. 107 УПК РФ? На наш взгляд, нет. Самого по себе запрета покидать жилище недостаточно для признания изоляции изоляцией от общества. Необходима вторая ее составляющая – произвольное общение с неопределенным кругом лиц по собственному выбору. Как мы ранее подчеркнули, законодатель и не устанавливает такого жесткого требования, допуская ограничение общения только с определенными лицами, конкретно перечисленными в решении суда. Отсутствие возможности общения с другими людьми имеет гораздо более важное значение при характеристике изоляции от общества, чем запрет покидать обозначенную территорию (в данном случае – жилище). В случае проживания подозреваемого или обвиняемого с семьей круг лиц, посещающих членов этой семьи (и с которыми они потенциально также могут общаться), расширяется до неопределенности. В силу этого мы полагаем, что из первой строки ч. 1 ст. 107 УПК РФ слова «в изоляции от общества» следует исключить.

С учетом данных о личности поднадзорного и фактических обстоятельств уголовно-го дела суд может установить дополнительные правоограничения, например, запрет на пользование сетью Интернет. Как указано в совместном приказе Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31 августа 2020 г.¹, уголовно-исполнительная инспекция осуществляет контроль за выполнением подозреваемым и обвиняемым установленных запретов с помощью технических средств. Использование электронных браслетов, трекеров без особых проблем позволяет контролировать место пребывания поднадзорного. Что касается контроля лиц, посещающих его, а также использование им (вопреки запрету) средств связи или выход в Интернет, особенно в том случае, если он проживает с семьей, то инспекция гарантированно обеспечить не

¹ См.: Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31 августа 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 20.11.2023).

может, и данные запреты служат скорее для устрашения, чем для реального ограничения субъективных прав подозреваемых и обвиняемых.

Заключение

Домашний арест применяется в России свыше 20 лет и за это время успешно зарекомендовал себя в качестве меры пресечения. Однако его потенциал не только далеко не исчерпан, но и пока не достиг ожидаемого уровня. Домашний арест задумывался как самостоятельная мера пресечения, как альтернатива заключению под стражу, преимущества которой проявляются, с одной стороны, в значительно меньшем расходовании финансовых, материальных и человеческих ресурсов на его реализацию, с другой – в недопущении криминального заражения, неизбежного в условиях камерного содержания.

Как показывает статистика, длительное время домашний арест применялся крайне редко, но после изменения редакции ст. 107 УПК РФ в 2011 г. суды все чаще стали использовать данную меру пресечения. Так, если в 2010–2011 гг. его доля составляла 0,5 % от заключения под стражу¹, то к 2020 г. она достигла 15,5 % (или 12,9 % от всех видов мер пресечения, избираемых только на основании судебного решения). Однако за последние годы это соотношение стало постепенно возвращаться к первоначальному виду, и в 2022 г. удельный вес домашнего ареста от заключения под стражу сократился почти вдвое и составил только 8,4 %².

Назовем две из основных причин снижения «популярности» избрания домашнего ареста. Первая из них носит, так сказать, накопительный характер. Стремление законодателя максимально приблизить домашний арест по уровню правоограничений к заключению под стражу (и даже сверх того – подозреваемым и обвиняемым не предусмотрена прогулка), тем не менее, не смогло изменить его восприятие (в том числе судом) как несравнимо более мягкую меру. Действительно, заключение в общей камере и пребывание в домашних условиях – неравноценные условия.

Однако согласно ч. 3 ст. 107 УПК РФ домашний арест применяется в том же порядке, что и заключение под стражу. При всех равных условиях (характер и тяжесть инкриминируемого преступления, личность подозреваемого или обвиняемого и т. д.) выбор одной из двух перечисленных мер пресечения зависит только от усмотрения суда. Для конкретизации данной законодательной нормы и оказания содействия судам Верховный Суд РФ в 2013 г. разъяснил, что «условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены ч. 1 ст. 108 УПК РФ для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются»³, впоследствии (в 2020 г.) уточнив, что в случае подозрения в совершении преступления небольшой тяжести избрание домашнего ареста допускается лишь в случае, если за это преступление в соответствии с санкцией соответствующей статьи УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания может быть назначено лишение свободы.

¹ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010, 2011 годы.

² См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_go-dovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 20.11.2023).

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2014. № 2.

На наш взгляд, разъяснения Пленума лишь сильнее упрочили связь между названными мерами пресечения, а диссонанс между восприятием домашнего ареста в качестве альтернативы заключению под стражу и правовыми нормами, регулирующими правовой статус подозреваемых и обвиняемых, усилился. В результате этого при избрании меры пресечения, наиболее соответствующей условиям содержания, связанным с изоляцией личности от общества, суды все больше склоняются к заключению под стражу. Этому способствует и вторая причина, которую можно отнести к категории объективных. Если обратиться к показателям преступности за 2022 г., представленных на портале правовой статистики Генпрокуратуры РФ, то станет заметной тенденция последних лет на «утяжеление» преступности. В течение 7 лет идет ежегодное сокращение числа зарегистрированных преступлений небольшой и средней тяжести, тогда как последние три года наблюдается рост числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений. По сути, у суда не остается выбора при избрании меры пресечения, кроме как заключение под стражу. С учетом проведения Специальной военной операции, а также развязанной против нашей страны террористической войны доля применения заключения под стражу будет только расти. На это указывает и статистика последних лет. Если в 2020 г. удельный вес заключения под стражу составлял 83,2 % от всех мер пресечения, назначаемых только по решению суда, то в 2022 г. он возрос до 89,2 % [URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 20.11.2023)].

Таким образом, мы полагаем, что для повышения самостоятельности домашнего ареста, а также для приведения правового регулирования данной меры пресечения в соответствие с его правовой природой необходимо слова «в изоляции от общества» из первой строки ч. 1 ст. 107 УПК РФ исключить. Данное изменение дефиниции, скорее всего, повлечет за собой необходимость пересмотра правоограничений, вызываемых применением этой меры пресечения.

Список источников

1. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 209 с.
2. История уголовного дела экс-директора ФСИН Александра Реймера // ТАСС. 2020. 25 февр. URL: <https://tass.ru/info/7830481?ysclid=loe5q8ivuu33505222> (дата обращения: 20.11.2023).
3. Воронов Д. А. Домашний арест: современное состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4(51). С. 28–32.
4. Большой энциклопедический словарь. URL: https://bigсловar.ru/slovo_e-10683.html (дата обращения: 20.11.2023).
5. Троицкая А. А. Пределы и ограничения основных прав личности: пределы соотношения понятий // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2007. № 3. С. 99–113.
6. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. 334 с.
7. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 248 с.
8. Геранин В. В., Мальцева С. Н. Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29(1–4), № 1. С. 10–26.

References

1. Ovchinnikov, Ju. G. 2006, *House arrest as a preventive measure in criminal proceedings: PhD thesis (Law)*, Omsk.
2. 'The history of the criminal case of ex-director of the Federal Penitentiary Service Alexander Reimer' 2020, TASS, 25 February, viewed 20 November 2023, <https://tass.ru/info/7830481?ysclid=loe5q8ivuu33505222>.
3. Voronov, D. A. 2013, 'House arrest: current state and prospects', *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(51), pp. 28–32.
4. *A large encyclopedic dictionary* n.d., viewed 20 November 2023, https://bigslovar.ru/slovo_e-10683.html.
5. Troickaja, A. A. 2007, 'The limits and limitations of the fundamental rights of the individual: the limits of the correlation of concepts', *Bulletin of the Moscow State University, Series 11, Law*, iss. 3, pp. 99–113.
6. Fatkullin, F. N. 1987, *Problems of the theory of State and law: lecture course*, Kazan University Press, Kazan.
7. Mal'ko, A. V. 2003, *Incentives and restrictions in law: a monograph*, 2nd edn, Jurist, Moscow.
8. Geranin, V. V. & Mal'ceva, S. N. 2021, 'Problems of functioning of correctional centers and colony settlements in the system of criminal penalties', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 10–26.

Информация об авторах

В. В. Геранин – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин;

С. Н. Мальцева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин.

Information about the authors

V. V. Geranin – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Humanities;

S. N. Mal'ceva – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Humanities.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 06.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.12.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.